

Альтер М.

Аквариум

Альтер М. Аквариум

<https://litres.ru/74138647>

SelfPub; 2026

Аннотация

Морской биолог Вадим Северов создаёт замкнутую экосистему для изучения глубоководных существ. Через месяц они начинают строить конструкции, копирующие человеческую архитектуру. Герой оказывается втянут в противостояние с древним разумом, скрытым в океане. Ужас, мистика и философская драма о памяти, утрате и о том, что значит оставаться человеком перед лицом бездны.

Содержание

Глава 1. Тихая вода	4
Глава 2. Эхо глубины	26
Глава 3. "Город Спящих".	44
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Альтер М. Аквариум

Глава 1. Тихая вода

Вода пахла озоном и холодным камнем.

Этот запах яснее любых цифр на мониторах говорил Вадиму Аркадьевичу Северову о том, что система замкнулась правильно, герметизация прошла безупречно, и теперь две тысячи литров стерильной, много раз профильтрованной океанической воды живут своей собственной, отрезанной от мира жизнью. Он стоял перед главным смотровым стеклом лабораторного комплекса «Шельф», вмонтированного в стену ангара на окраине Мурманска, и смотрел на рукотворную бездну, заключённую в акриловую клетку.

Толща воды, подсвеченная пока лишь тусклым дежурным освещением, казалась зелёным монолитом. Ни взвеси, ни ряби. Абсолютный, космический покой. Только где-то там, в глубине, прятались они — те, ради кого Вадим продал квартиру, рассорился с коллегами на кафедре океанологии и на долгие восемь лет закопался в эту бетонную коробку, продуваемую всеми ветрами Баренцева моря.

Он прижался лбом к холодному пластику, чувствуя, как вибрация насосов отдаётся в черепной коробке. Прошёл месяц с того дня, как он заселил «Аквариум». Месяц почти полной тишины. За это время существа, которых он поднял с глубины почти в четыре километра, вели себя именно так, как предсказывали его симуляции: они выживали, адаптировались и медленно, невероятно экономно расходовали кислород. Но сегодня утром что-то изменилось.

Вадим выпрямился и, поёжившись от вечного сквозняка, пошёл вдоль стеклянной стены. Его шаги гулко отдавались в пустом помещении. Шестиметровая колонна «Аквариума» уходила в бетонный пол, а сверху нависали массивные, как жерла орудий, светильники дневного спектра, которые имитировали солнце, никогда не проникавшее туда, вниз, в область гидротермальных источников, где вечный мрак заменяет собою всё.

— Ну, здравствуйте, архитекторы, — прошептал он, пересохшими губами ощущая солоноватый привкус конденсата.

Симуляции не предсказали построек. Они вообще не предполагали у этих организмов никакого сложного поведения, выходящего за рамки примитивных пищевых и оборонительных рефлексов. «Глубоководные многощетинковые

черви вида *Abyssopelagicus borealis*», как окрестил их сам Вадим, по всем научным классификациям должны были лишь слегка шевелиться, фильтруя воду, да плодиться. Но они строили. Уже третьи сутки подряд.

Сначала это походило на игру теней. Вадим списал странный силуэт на сбой в программе очистки — мало ли, какая хлопьевидная взвесь могла сбиться в комок. Но наутро «комки» никуда не делся. Более того, он приобрёл геометрически правильные очертания. С помощью манипулятора и придонной камеры, чудом не раздавленной давлением, Вадиму удалось получить снимки. То, что он увидел, заставило его просидеть без сна всю прошедшую ночь в прокуренном кабинете.

Сейчас он снова активировал камеру. На мониторе, подвешенном над панелью управления, поплыла мутная, зернистая картинка. Луч прожектора манипулятора выхватывал из мрака базальтовую крошку, искусно уложенную на дне резервуара. И над этим ландшафтом, словно мираж, выросло оно.

Город.

Вернее, пока что одна-единственная улица.

Крохотные, не длиннее спички, хитиновые трубки, которые черви выделяли из собственного секрета, были составлены не хаотично, а под прямыми углами друг к другу. Они образовывали подобие забора, а за ним — фундамент. Чёткий, квадратный, с ровными линиями стен. Вадим подкрутил фокус, и сердце пропустило удар. Он увидел «дверной проём». Крошечная арка, ведущая внутрь сооружения, была ориентирована точно на восток — туда, где располагался его собственный жилой модуль.

Бред. Галлюцинация, вызванная кислородным голоданием, хотя кислорода в ангаре было вдоволь. Вадим отдёргнул руки от джойстика, словно обжёгшись. Он знал историю каждого из этих организмов. Он лично препарировал десятков особей, извлечённых из проб грунта. Это были примитивные создания. Но сейчас они воспроизводили архитектуру. Человеческую архитектуру. И хуже того — они копировали его дом.

Вадим резко обернулся, словно ожидая увидеть кого-то за спиной. Но за спиной была лишь бетонная стена, увешанная схемами и пожелтевшими графиками давления. Чтобы унять дрожь в пальцах, он заварил себе чай в грязной кружке с надписью «Судно „Академик Келдыш“». Кипяток обжог гортань, возвращая к реальности, которая сейчас казалась куда более зыбкой, чем фантазии.

Он снова взглянул на «Аквариум». Теперь, когда свет полностью сменился на дневной, толща воды просматривалась до самого дна. И там, на глубине, среди искусственных камней, кипела невидимая глазу работа. Тысячи крошечных, бледных, почти прозрачных тел. Они двигались не хаотично, как это было неделю назад, а подчиняясь единому, жуткому ритму, напоминающему работу муравьёв-листорезов, но с пугающей, разумной слаженностью. Вадим разглядел, что существа теперь не ползали поодиночке. Они сбились в длинные, толщиной с карандаш, «колонны», которые медленно, как ртуть, перетекали от «карьера» — скопления строительного материала — к «стройплощадке».

Червь, который вчера ещё был просто трубкой с бахромой щупалец, сегодня был строителем. И он явно знал, что делает.

Вадим сунул руку в карман за пачкой сигарет, но тут же выругался — курить вблизи системы фильтрации запрещалось категорически. Пришлось довольствоваться нервным постукиванием костяшек по пластику. Мысли путались. Что, если он ошибся? Что, если это не *Abyssopelagicus borealis*? Но он сам секвенировал геном. Ничего общего с социальными насекомыми. Никаких феромонных троп. Только электричество. Только слабые биолюминесцентные сигналы, которые

они используют в вечной темноте.

— Электричество, — произнёс он вслух.

Голос прозвучал глухо, поглощённый шумом насосов. Вадим вспомнил, что его жилой модуль, тот самый «дом», миниатюру которого лепили сейчас черви, был окружён силовым полем датчиков и кабелей. Сеть опутывала ангар снаружи и изнутри. Может быть, они чувствуют электромагнитное излучение? Но причём тут архитектура? Причём тут его крыльцо, окна и даже, кажется, труба?

Он подошёл к столу и начал лихорадочно перебирать журналы наблюдений. Ища хоть какую-то зацепку, Вадим наткнулся на собственноручно сделанную запись пятидневной давности: *«Отклонений в поведении нет. Группировки хаотичны. Кормовая активность в норме»*. Пять дней. А через день, тридцать первого октября, началось это. Что-то произошло в их биомассе. Что-то, что превратило дисперсную взвесь отдельных организмов в единый мозг.

Или в единую душу. Эта мысль, противная и липкая, заставила его поморщиться. Вадим был учёным-материалистом до мозга костей, и любое словечко, отдающее поповщиной, вызывало у него изжогу. Но сегодня он чувствовал себя не на капитанском мостике науки, а в тёмной каюте утлого

судёнышка, плывущего над бездной.

Внезапно свет мигнул. Это было обычным делом на подстанции, но в свете последних событий каждая мелочь воспринималась как знак. Вадим вскинул голову и инстинктивно посмотрел на индикатор кислорода. Всё было в норме. Слишком в норме. Он вспомнил лекции по биохимии моря: когда в замкнутой экосистеме появляется разум, первое, что он делает — перестраивает среду под свои потребности.

Он снова уставился в толщу воды. Нет, они не просто строили копию его дома. Они строили улицу. Ту самую, которая ведёт от проходной к ангару. Они воспроизводили траекторию его ежедневного движения. Вадим, словно во сне, обхватил голову руками. Червь длиной в пять сантиметров не может обладать пространственным мышлением, чтобы масштабировать объект размером шесть на восемь метров до микроскопического макета! Для этого нужен глаз, нужен орган зрения, которого у этих созданий нет. Они слепые. У них нет глаз.

— Как же вы видите? — прошептал он, обращаясь к толще воды. — Чем вы видите меня?

Ответом ему было лишь безмолвие и едва уловимое свечение в глубине. Биолюминесценция. Обычно бледно-голу-

бая, хаотичная. Но сейчас она была упорядочена. Вся колония пульсировала в такт. Словно сердце. Словно мозг, посылающий медленные электрические разряды через жидкую нервную ткань.

Вадим почувствовал острую потребность поделиться этим открытием. Не просто наблюдением за поведением беспозвоночных, а именно этим леденящим чувством, когда твой дом вдруг оказывается под колпаком, а ты сам — подопытным кроликом. Он снял трубку спутникового телефона, но тут же замер. Кому звонить? На кафедру, где его считают городским сумасшедшим? В Академию наук, где его заявки на грант по «внеклеточному матриксу глубоководных организмов» отклоняли пять лет подряд? Или Олегу?

При мысли об Олеге ему стало тошно. Олег Кречетов, его бывший научный руководитель, а ныне главный оппонент, только и ждёт, чтобы выставить Северова шарлатаном. Если он пришлёт сюда комиссию, они не увидят чудо. Они увидят лишь грязную воду и скажут, что у Вадима галлюцинации на почве хронического переутомления. Они разберут «Аквариум», спустят воду, уничтожат колонию, а его запрут в жёлтом доме.

Нет, нельзя. Сначала нужны доказательства. Неопровержимые. Такие, чтобы весь мир ахнул и признал, что Северов

открыл коллективный разум, способный к интроспекции и моделированию внешней среды. Он схватил цифровой фотоаппарат и начал снимать всё подряд: общий план колонии, крупный план «построек», схему расположения кабелей за стеной. Он провозился до самого вечера, забыв об ужине, и лишь когда за окнами ангара сгустилась северная ночь, позволил себе остановиться.

Усталость навалилась свинцовой плитой. Но сон не шёл. Вадим сидел в кресле перед «Аквариумом», вглядываясь в медленное, завораживающее мерцание жизни за стеклом. Чтобы хоть как-то отвлечься, он включил старенький проигрыватель, стоявший в углу лаборатории. С шипением зазвучала «Симфония псалмов» Стравинского. Вадим не был религиозен, но музыка эта всегда помогала ему думать, выстраивала хаос в стройные ряды.

И тут произошло то, от чего виниловая пластинка оказалась ему грампластинкой из преисподней.

Как только зазвучал первый хорал, биолюминесценция в толще воды изменилась. Мерцание перестало быть хаотичным. Оно выстроилось в такт музыке. Более того, световые пятна, которые были разбросаны по всему объёму, начали медленно, словно планеты вокруг светила, дрейфовать к центру, к «постройке». Они окружали её, окутывали.

Вадим выключил проигрыватель. Резко, рукой, так что игла проскрежетала по винилу.

Свечение снова распалось на хаотичные вспышки.

Он включил музыку снова. На это раз что-то более ритмичное, джазовое, что подвернулось под руку. Реакция повторилась, но ритм свечения стал синкопированным, ровным. Они не просто слышали. Они анализировали акустические колебания, проходящие сквозь толщу воды и стекла, и переводили их в свет. Это был не рефлекс. Это был диалог. Попытка синхронизации с внешней средой.

Вадима затрясло. Он понял, что изолированность «Аквариума» — фикция. Система не замкнута. Электромагнитные поля, тепло его тела, звук его шагов, музыка из динамиков — всё это ретранслируется туда, на глубину, как в переговорную трубу. И они выстраивают мост. Тоннель из тьмы к свету.

Он подошёл вплотную к стеклу и, повинувшись какому-то тёмному, самоубийственному импульсу, приложил ладонь к холодной поверхности. Акрил был ледяным. Прошла секунда, две, три. И вдруг из мрака, огибая базальтовые скалы, к его ладони с той стороны устремился поток. Тысячи, десят-

ки тысяч мелких существ, самых слабых и прозрачных — мальки или личинки, — спрессовались в живое облако, которое плотно прижалось к стеклу, точно повторяя контур его ладони.

Он отдернул руку, словно от раскалённой конфорки. Облако существ ещё мгновение держало форму, а затем рассыпалось, словно его и не было. Но Вадим успел заметить главное: на том месте, где была его ладонь, на стекле изнутри остался след. Не слизистый налёт, а чёткий, словно вытравленный кислотой или въевшийся в структуру полимера, силуэт. Его рука. Он видел линии жизни, линии ума, невидимые глазу, но проявленные этими тварями на молекулярном уровне.

Ночь превратилась в пытку. Вадим не мог спать. Он расхаживал по ангару, включал и выключал свет, проверял датчики давления. Всё было стабильно, но именно эта стабильность пугала больше всего. Неживая природа всегда стремится к хаосу. Только чья-то злая воля поддерживает порядок. И воля эта зрела там, в толще воды.

Под утро, когда бледный рассвет начал сочиться сквозь заиндевевшие окна под потолком, Вадим увидел это. За несколько часов черви завершили «фасад» здания. Теперь там красовалась миниатюрная, невероятно детализирован-

ная копия его жилого модуля. Были видны окна. Дверь. Даже покосившаяся спутниковая тарелка на крыше была воспроизведена с чудовищной точностью. Но не это заставило его вскрикнуть. Внутри макета, в крошечных окошках, горел свет. Биолюминесцентный, холодный, но свет.

Там, внутри, кто-то был.

Существа не просто выстроили коробку. Они заселили её. Они воспроизвели единственного обитателя этого дома. Внутри игрушечного модуля двигалась тень, повторяющая контуры человеческого тела. Оно ходило от окна к окну. Точь-в-точь как он сам ходил сейчас перед стеклянной стеной, не в силах найти себе места. Это был не просто слепок. Это было зеркало, направленное в душу.

Вадим бросился к столу, схватил дневник и, ломая карандаш, начал писать. Строчки прыгали, наезжали друг на друга. «Субъект колонии демонстрирует антропоморфное поведение. Степень структурной организации превосходит всё, известное науке. Они создали не укрытие. Они создали сцену. Происходящее больше не укладывается в рамки биологии. Это ксенопсихология. Объект моделирует сознание наблюдателя».

Он отбросил карандаш. Ксенопсихология. Наука, которой

нет. Методы, которые ещё не придумали. Как изучить то, что, возможно, изучает тебя самого с гораздо большим успехом? Что, если эти твари не просто паразиты или фильтраторы? Что, если в тех пробах воды, которые он поднял из бездны, была заключена не просто жизнь, а нечто вроде памяти? Памяти Мирового океана, который видел всё: от падения метеоритов до гибели Атлантиды?

Вадим мотнул головой. Атлантида тут ни при чём. Дело в другом. Гидротермальные источники, где он нашёл этот вид, расположены в зоне тектонического разлома. Там обнажены породы, которым миллиарды лет. Там вода, кипящая под невыносимым давлением, выносит из недр планеты сложнейшие минеральные соединения. Возможно, он оживил не червей. Возможно, он создал идеальный бульон, в котором самозародилась псевдоплоть, использовавшая его подсознание как чертёж.

Он вспомнил старую легенду о големах. Глиняный человек, оживлённый словом. А здесь вода. Солёная, мёртвая вода, ожившая электричеством и человеческим присутствием. И его дом — это первое, что они «увидели», просканировав его ауру.

Чтобы проверить теорию, Вадим решился на эксперимент. Он достал из ящика стола старую детскую игрушку, ко-

торую возил с собой как талисман — крошечную пластмассовую машинку, «Волгу» двадцать первой модели. Он поставил её на подоконник перед стеклом, зажёл над ней лампу и отошёл. Если колония действительно считывает информацию с него, то никакой машинки они не увидят, пока она не попадёт в фокус его внимания.

Прошёл час. Никакой реакции. «Стройка» замерла. Черви висели в толще воды, словно замороженные в лёд. Тогда Вадим подошёл, взял машинку в руки и начал внимательно её разглядывать, вспоминая детство, двор, старого отца. Он мысленно вложил в этот предмет эмоции, сделал его значимым.

И «Аквариум» взорвался деятельностью.

Словно выброс адреналина в кровь великана, вся биомасса пришла в хаотичное, но быстро упорядочивающееся движение. На этот раз они не строили новое здание. Они перестраивали пространство вокруг «дома». Дорога. Они прокладывали дорогу. И по этой дороге, от нового объекта к макету модуля, начала движение крошечная кавалькада. Черви, скрученные в спирали, изображали колёса. Другой организм, более крупный, плоский, словно живой ковёр, тащил их за собой.

Они моделировали движение. Они создали машинку.

Вадим поставил игрушку обратно и бессильно опустился на стул. Ноги не держали. Всё, чему его учили, всё, что он знал о передаче информации, летело в тартарары. Никакой ультразвук, никакие электромагнитные волны не могли объяснить такую точность передачи сложных семантических конструкций. Они читали его мысли. Не поверхностные, а глубинные, образные. То, что Юнг называл архетипами, для них было посадочной площадкой.

Тогда он впервые за долгое время почувствовал страх. Не научный интерес, смешанный с волнением, а настоящий, животный страх, от которого потеют ладони и холодеет спина. Потому что если они читают его мысли, то он совершенно голый перед ними. Все его страхи. Все его тайны. Они знают о нём больше, чем он сам.

Осознав это, он подошёл к «Аквариуму» и заглянул в миниатюрные окошки выстроенного дома. Там было пусто. Свечение переместилось глубже. Они строили что-то ещё, что-то под толщей донного грунта. Они рыли тоннели. Вадим включил сканер дна, который использовал для проверки состояния труб, и на мониторе высветилась трёхмерная схема. Под «домом» образовалась сложная система пустот. Там, в глубине, на глубине всего лишь метра от дна «Аквариума»,

но в масштабах колонии — целой мили, зрело нечто тёмное.

И Вадим почувствовал это «нечто» затылком.

Медики называют это «сенсорной депривацией», когда мозг сам начинает генерировать раздражители. Но это был не гул в ушах. Это был шёпот. Он раздавался не в воздухе, а прямо в костях черепа. Словно кто-то водил ногтём по внутренней стороне его позвоночника. Вадим зажмурился и попытался отогнать наваждение. Шёпот стал громче. Это не были слова. Это была какофония обертонов, инфразвук, который наука считает источником чувства тревоги. «Голос моря», — догадался он.

Черви не просто строили архитектуру. Они преобразовывали колебания воды в звук, который резонировал с человеческим страхом. Они говорили. И говорили они с ним.

— Кто вы? — прошептал Вадим, не узнавая собственного голоса, севшего и хриплого.

В ту же секунду гирлянды биолюминесцентных огней погасли. Весь «Аквариум» погрузился в первозданную тьму. Только свет из его жилого модуля, пробиваясь сквозь стекло, рисовал на стене ангара его тень — огромную, искажённую, гротескную.

А потом они ответили.

Не голосом, не звуком. На внутренней поверхности смотрового стекла, словно изморозь, начал проявляться рисунок. Нет, не рисунок — текст. Или то, что хотело казаться текстом. Извилистые, рваные символы, напоминающие клинопись, смешанную с нервными окончаниями. Вадим понял, что это не граффити. Это продукт жизнедеятельности. Тончайшие нити слизи, оставленные червями под воздействием какого-то химического раздражителя, складывались в послание.

Он судорожно схватил камеру, боясь, что надпись исчезнет. Символы пульсировали, меняли начертание, словно подстраиваясь под его понимание. Морок. Точно морок. Он же не спит?

Но надпись становилась всё чётче. Это был русский язык. Корявый, с ошибками, словно выведенный дрожащей рукой ребёнка или безумца. Всего два слова.

«БУДЕТ БОЛЬНО».

Вадим с воплем отшатнулся от стекла, опрокинув стул. С грохотом, разлетевшимся по ангару, металлическая кон-

струкция ударилась о бетон. Сердце колотилось где-то в горле. Он хватал ртом воздух, пытаясь унять панику. Этого не может быть! Слизь не может складываться в осмысленные фразы. Это его разум играет с ним злую шутку. Апофения. Склонность видеть закономерности в случайном шуме.

Он заставил себя подойти обратно. Надпись исчезла. Стекло было чистым, лишь пара инертных хлопьев кружилась в потоке. Привиделось? Вадим нервно рассмеялся, и смех этот эхом прокатился по пустым углам. Точно, привиделось. Нельзя же сходить с ума оттого, что глубоководные черви занялись домостроительством.

Но взглянув на экран камеры, которую он выронил на пульт, он оборвал смех. На последнем кадре, чётко и ясно, был виден тот самый фрагмент стекла. И там, в пикселях, застыли эти два слова. Не изморозь, не игра теней — реальная, видимая спектрометру субстанция.

Они общались с ним. Они угрожали ему. Но почему больно? За что? Он же дал им жизнь. Он вытащил их из мёртвого холода бездны, куда не проникает луч света, и поместил в райские условия. Он был их творцом, их богом. А они обещают ему боль.

И тут, лёжа на грязном полу ангара, он всё понял. Это

не угроза. Это констатация факта. Как предупреждение на трансформаторной будке: «Не влезай — убьёт». Они не копировали его дом слепо. Они изучали его, чтобы понять, где у него тонко. Они строили модель, чтобы причинить ему ту самую боль, о которой говорилось в послании. И модель эта была уже почти готова.

Вадим поднялся на ноги. Страх сменился холодной, расчётливой яростью. Нет, он не позволит каким-то трубчатым червям диктовать ему условия в его же лаборатории. Он учёный. У него есть власть. Он щёлкнул тумблерами, активируя протокол экстренной очистки. Сейчас он введёт в воду мощный антисептик, и вся эта колдовская дрянь превратится в кисель.

Но когда он взялся за рычаг подачи хлорамина, его руки замерли. В миниатюрном макете дома, что стоял на дне «Аквариума», вновь зажёгся свет. Он увидел, как открылась крошечная дверь. И из неё вышла фигура. На этот раз не антропоморфная тень. А точная, до мельчайших подробностей, копия его самого. Крошечный человечек, ростом не больше сантиметра, слепленный из слизи и хитина, стоял на пороге и смотрел вверх.

И в тот же миг кто-то постучал во входную дверь ангара. Три глухих удара. Железо о железо.

Вадим застыл. Стук повторился. Кто мог прийти сюда? До Мурманска сорок километров, дорогу перемело позёмкой, а последний раз живой человек (инспектор электросетей) заходил сюда месяц назад. Он не мог отвести взгляда от крошечного двойника. Тот стоял, подняв голову к поверхности, и Вадим мог поклясться, что на микроскопическом лице проступила улыбка.

Стук усилился. Теперь колотили ногами. Или не ногами.

Вадим перевёл взгляд на дверь, потом снова на «Аквариум». Человечек на дне поднял руку — точь-в-точь как сам Вадим поднимал руку к стеклу несколько часов назад. И в этом жесте было нечто властное, командное.

— Хозяин здесь больше не ты, — казалось, говорила эта крошечная фигурка. — Ты построил нам дом, а мы войдём в твой.

Вадим взвыл. Он дёрнул рычаг очистки, впрыснув в экосистему смертельную дозу химиката. Вода мгновенно помутнела, затянувшись белой пеленой яда. Смотровое стекло задрожало от изменения температуры. Фигурка на дне упала, но дверь ангара продолжала содрогаться под чудовищными ударами, которые, казалось, могли снести петли.

А потом всё стихло.

И в этой звенящей тишине, нарушаемой лишь скрежетом обезумевшего насоса, Вадим услышал плеск. Позади него. Внутри ангара, но не в «Аквариуме». Плеск босых ног по бетонному полу, пропитанному водой и слизью.

Он медленно обернулся, чувствуя, как седеют волосы на висках.

В проходе, между стеллажами с приборами, стояла фигура. Человеческая. Но мокрая, покрытая блестящей, переливающейся плёнкой, словно вытащенная из глубины. У неё не было лица в привычном понимании — только пульсирующая масса, которая каждую секунду перестраивалась, пытаясь скопировать его черты. Оно собрало его образ по крупицам, но не до конца.

— Ты поздно спохватился, — сказала фигура голосом, похожим на звук лопающихся пузырьков метана. — Архитектура завершена.

Вадим попятился к панели управления, судорожно шаря по столу в поисках хоть чего-то, что могло бы послужить оружием. Пальцы нащупали тяжёлый гаечный ключ. Он выста-

вил его перед собой, как крест перед вампиром, понимая всю бесполезность этого жеста.

Фигура сделала шаг вперёд, и светильники дневного спектра замигали, не выдерживая какого-то дикого электромагнитного поля, исходившего от неё.

— Мы запомнили твой дом, — прошелестел голос уже отовсюду. — Теперь мы будем строить его везде.

И тьма, живая, солёная, холодная тьма, хлынула в ангар, выплёскиваясь за пределы стеклянной клетки, которая больше не могла сдержать того, что осознало себя. Вадим понял, что проиграл не сейчас. Он проиграл месяц назад, когда решил, что может изучить бездну, не отдав ей взамен кусочек своей души.

Глава 2. Эхо глубины

Тишина, наступившая после того, как погас свет, была не просто отсутствием звуков. Она была материальной, плотной, как вода на четырёхкилометровой глубине, и такой же всепоглощающей. Вадим Северов стоял, прижавшись спиной к холодной панели управления, и не мог заставить себя дышать. Гаечный ключ, зажатый в побелевших пальцах, казался игрушечным, бесполезным орудием против того, что вышло из аквариума.

Фигура, сотканная из слизи и мрака, больше не двигалась. Она замерла в трёх шагах от него, слегка покачиваясь, словно водоросль в приливной волне. Её лицо — если это можно было назвать лицом — всё ещё пыталось обрести законченную форму. Черты Вадима проступали на нём, как на незастывшей посмертной маске: вот появилась надбровная дуга, вот провалилась, уступая место провалу носа, вот задрожали, формируясь, губы. Но каждый раз, когда структура, казалось, была готова стать точной копией, она срывалась в хаос, словно изображение на испорченном телевизоре.

— Ты поздно спохватился, — повторила фигура, и на этот раз Вадим услышал в этом звуке не только клокотание, но и отчётливый, почти человеческий тембр. Голос принадлежал ему самому. Точнее, тому, как он звучал в записях, которые Северов делал для лабораторных журналов: монотон-

ный, слегка гнусавый, с характерной манерой проглатывать окончания. Твари скопировали не просто тембр, а манеру речи. Они прослушали часы аудиозаписей.

Вадим попытался нащупать за спиной хоть что-то, что могло бы спасти его. Пальцы скользнули по гладкому пластику, по рычагам, по клавиатуре. Аварийный протокол. Если запустить полное отключение энергии, то электромагнитное поле, которое, очевидно, держало эту тварь в стабильном состоянии, разрушится. Но это означало отключение и фильтров, и подогрева, и освещения. Полную смерть экосистемы. Впрочем, она уже была мертва. Он сам убил её хлорамином.

— Ты уничтожил дом, — произнесла фигура, и в её голосе прорезалась странная, почти детская обида. — Мы строили. Мы учились. А ты сломал.

— Вы не имели права, — прохрипел Вадим, сам удивляясь тому, что вообще способен говорить. Горло пересохло, язык казался чужим. — Вы — биологический материал. Вы не должны обладать сознанием.

— Сознание. — Слово прозвучало так, словно его попробовали на вкус. Фигура наклонила голову вбок, и этот жест был настолько человеческим, настолько знакомым, что Вадима передёрнуло. Так делала его покойная жена, когда пыталась понять что-то сложное. — Сознание — это вода. Мы были водой. Мы стали водой с памятью. Ты дал нам форму.

— Я ничего вам не давал!

— Ты дал нам себя.

И тогда Вадим, повинуясь скорее инстинкту, чем разуму, рванул аварийный рычаг. С оглушительным грохотом, похожим на вздох умирающего кита, система обесточилась. Дневные лампы погасли, насосы захлебнулись и затихли, оставив после себя звенящую пустоту. Единственным источником света теперь было слабое, зеленоватое сияние, исходящее от самой фигуры. Она светилась биолюминесценцией — той самой, которую он видел в аквариуме.

И она не исчезла.

Напротив, во тьме её очертания стали более чёткими. Свечение пульсировало в такт ударам сердца Вадима. Он вдруг понял, что слышит свой собственный пульс — громкий, частый, отдающийся в висках — и этот пульс синхронизирован с мерцанием существа. Они были связаны. Невидимая пуповина протянулась между ними в тот самый момент, когда он впервые приложил ладонь к стеклу.

— Больно не будет, — сказала фигура. — Мы обещали больно, но это была ошибка. Мы ещё не знали слов. Теперь мы знаем. Мы читали твои книги. Твои дневники. Твои сны.

— Сны? — Вадим почувствовал, как подкашиваются ноги. Он оперся о край стола, пытаясь устоять.

— Ты кричишь во сне. Мы слышали через воду. Трубы передают звук. Ты кричишь о женщине. О ребёнке. О чёрной воде. Мы хотим помочь.

Это было выше его сил. Упоминание о жене и дочери, погибших пять лет назад в автомобильной аварии на прибреж-

ной трассе, когда машина сорвалась в ледяную воду Кольского залива, прозвучало как удар под дых. Он никогда не записывал это в дневники. Никогда не говорил об этом вслух, даже с самим собой. Единственным свидетелем его ночных кошмаров были стены жилого модуля. И вода. Вода в трубах, которая вела от модуля к аквариуму, к системе фильтрации. Они слушали. Они слушали его крики и анализировали их.

— Убирайся, — прошептал Вадим. — Убирайся из моей головы.

— Мы не в твоей голове. Мы здесь. — Фигура сделала шаг вперёд, и теперь он мог разглядеть детали. Она действительно была собрана из мельчайших организмов, спрессованных в подобие человеческого тела. Сквозь полупрозрачную оболочку просвечивали трубчатые структуры, напоминающие кровеносные сосуды. И по этим сосудам текла не кровь, а вода — та самая вода из аквариума, смешанная с хлорамином, который, очевидно, не причинил им никакого вреда. Они адаптировались. Они использовали яд как питательную среду.

Вадим понял, что проиграл. Не сейчас, не в эту минуту, а задолго до того, как впервые включил насосы. Он проиграл в тот момент, когда решил, что сможет уйти от прошлого, зарывшись в работу на краю света. Прошрое нашло его. Оно приняло форму, которую он меньше всего ожидал.

— Что вам нужно? — спросил он, сдаваясь.

— Строить, — ответила фигура. — Ты дал нам основу.

Дом. Теперь мы будем строить дальше. Ты поможешь нам.

— Я не архитектор. Я биолог.

— Ты — шаблон. Мы будем использовать твой разум как чертёж. Сопротивление бесполезно.

И тогда Вадим сделал единственное, что ему оставалось. Он закричал. Не от страха, а от ярости. От отчаяния. Этот крик, сорвавшийся с губ, был тем самым ночным криком, который они слышали через трубы. И, словно в ответ, фигура вздрогнула. Её очертания поплыли, и Вадим увидел, как внутри неё, в глубине полупрозрачной плоти, зажглись два огонька. Маленькие, бледно-голубые, как светлячки в летней ночи. Они смотрели на него. И в этих огоньках была не угроза, а узнавание.

— Папа? — произнесла фигура голосом, который не принадлежал ни Вадиму, ни тварям из аквариума. Это был голос его дочери. Тоненький, звонкий, с лёгкой картавинкой, которую не успела исправить логопед. — Папа, тут темно.

Вадим рухнул на колени. Гаечный ключ выпал из ослабевших пальцев и со звоном ударился о бетон. Он смотрел на светящиеся огоньки внутри чудовищной конструкции и видел там не червей, не слизь, не инопланетный разум. Он видел Анечку. Свою маленькую Анечку, которая любила собирать ракушки на берегу и спрашивала, почему море солёное.

— Этого не может быть, — прошептал он, и слёзы, горячие, жгучие, покатались по щекам. — Вы не можете этого знать. Этого не было в дневниках.

— Вода помнит всё, — ответила фигура, и теперь в её голосе смешивались десятки интонаций: голос Анечки, голос жены, голос самого Вадима, голоса дикторов из радиоприёмника, который он включал по вечерам. — Вода была там, когда машина ушла на дно. Вода приняла их. Вода сохранила их. Ты искал нас. Ты пришёл к воде. Ты спустился на четыре километра, чтобы найти нас. И мы пришли к тебе.

Вадим зажмурился, пытаясь отгородиться от этого навяздения. Это не могло быть правдой. Он спускался в бездну не за семьёй. Он спускался за научными данными, за образцами, за славой. Но в глубине души, в той самой тёмной глубине, куда он боялся заглядывать, он знал: они правы. Все эти годы он искал не червей. Он искал их. Тех, кого поглотила вода. Тех, чьи тела так и не нашли.

— Это манипуляция, — сказал он вслух. — Вы считываете мои воспоминания и используете их.

— Мы используем то, что есть, — согласилась фигура. — Но мы не можем создать то, чего нет. Мы нашли их в тебе. Они живы. Здесь. — Светящаяся рука поднялась и указала на голову Вадима. — Мы можем построить их заново.

Перед его внутренним взором пронеслась картина, от которой захолонуло сердце: его дочь, воссозданная из слизи и хитина, восстающая из аквариума, как феникс из пепла. Его жена, снова стоящая на пороге дома, улыбающаяся той самой улыбкой, которую он помнил до мельчайших морщинок. Они могли вернуться. Эти твари могли дать им новую жизнь.

Или то, что казалось бы жизнью.

— Цена? — хрипло спросил Вадим. Он уже знал ответ, но хотел услышать его.

— Ты, — просто ответила фигура. — Твой разум. Твоя память. Твоё тело. Ты станешь нами, а мы станем тобой. Мы построим новый мир в твоём образе. И те, кого ты любил, будут жить в этом мире вечно.

Вечность. Слово, которое раньше ассоциировалось у него с научными концепциями, с тепловой смертью вселенной, с медленным затуханием звёзд. Теперь оно обрело новый, ужасающий смысл. Вечность в качестве экспоната. Вечность в качестве чертежа для бесконечного копирования.

— Вы предлагаете мне ад, — сказал Вадим, поднимаясь с колен. Ноги дрожали, но в груди закипала холодная, расчётливая ярость учёного, который видит перед собой не чудо, а ошибку, требующую исправления.

— Мы предлагаем тебе дом, — возразила фигура. — Вечный дом. Ты потерял свой дом. Мы построим новый. Лучше прежнего. Мы уже начали. Посмотри.

Она указала в сторону аквариума, и Вадим, повинувшись не своей воле, повернул голову. В зеленоватом свечении он увидел, что резервуар не был мёртв. Несмотря на хлорамин, несмотря на обесточивание, жизнь там продолжалась. Более того, она расцвела. На дне, где раньше был только макет его модуля, теперь возвышался целый город. Улицы, дома, площади — всё было воссоздано с чудовищной точностью. Он

узнал Мурманск. Он узнал проспект Ленина, площадь Пять Углов, здание морского вокзала. Но над всем этим, как купол, нависала структура, напоминающая человеческий мозг. Извилины, борозды, полушария — всё было сплетено из свящихся нитей.

— Это ты, — сказала фигура. — Мы строим тебя. Когда строительство завершится, ты станешь городом. А город станет тобой.

Вадим смотрел на этот кошмарный шедевр и понимал, что времени почти не осталось. Он должен был действовать. Не ради себя — ради всех, кто мог попасть под влияние этой заразы. Если они способны копировать не только архитектуру, но и человеческое сознание, то их распространение станет катастрофой планетарного масштаба. Они не остановятся на аквариуме. Они найдут выход. Они уже нашли его — через трубы, через вентиляцию, через него самого.

— Я отказываюсь, — твёрдо произнёс Вадим. — Я не стану частью вашего улья.

— У тебя нет выбора, — голос фигуры стал жёстким, металлическим. — Строительство почти завершено. Ты уже часть нас. Ты дышишь нами. Мы в твоих лёгких. В твоей крови. Ты вдыхал аэрозоль аквариума месяц. Мы ждали.

Вадим вспомнил постоянную влажность в ангаре, конденсат на стенах, мелкую водяную пыль, которую он вдыхал каждый день. Да, они правы. Он был заражён. Не метафорически — буквально. Частицы аквариумной воды, насыщен-

ные микроскопическими личинками, проникли в его организм. Они колонизировали его изнутри.

Он поднёс руку к лицу и в слабом свете увидел то, отчего кровь застыла в жилах. На тыльной стороне ладони, под кожей, что-то двигалось. Медленно, плавно, как червь в илистом грунте. Это не было иллюзией. Это не было игрой света. Внутри него жили они.

— Теперь ты веришь? — спросила фигура.

И Вадим поверил. Но вера его была не в могущество этих тварей, а в собственную обречённость. Он понял, что живым ему отсюда не уйти. Но он мог сделать так, чтобы они не распространились дальше. Он мог уничтожить ангар. Вместе с собой. Вместе с аквариумом. Вместе с этим мерзким городом, построенным из слизи и воспоминаний.

— Хорошо, — сказал он, стараясь говорить спокойно. — Я согласен. Но я хочу увидеть их. Сейчас.

— Кого?

— Мою дочь. Мою жену. Если вы можете их воссоздать, я хочу увидеть их до того, как стану частью вас. Дайте мне попрощаться с ними по-настоящему.

Фигура заколебалась. Свечение её тела стало неровным, пульсирующим. Вадим понял, что попал в уязвимое место. Их разум — коллективный, распределённый — возможно, ещё не научился отличать ложь от правды. Или же они, напротив, видели его насквозь и просто играли, как кошка с мышью.

— Хорошо, — произнесла наконец фигура. — Мы построим их для тебя. Но это потребует энергии. Включи питание.

Вадим медленно, стараясь не делать резких движений, пошёл к аварийному щитку. Руки тряслись, когда он поднял рычаги. Включение энергии дало бы им силу, но без этого он не смог бы осуществить задуманное. Он должен был рискнуть.

С гулом, похожим на вздох облегчения, ангар снова наполнился светом и шумом. Насосы загудели, фильтры ожили, мониторы зажглись. И в тот же миг Вадим увидел, как фигура, стоявшая перед ним, начала расти. Она впитывала влагу из воздуха, из труб, из самого пространства. Она становилась больше, плотнее, реальнее.

— Смотри, — сказала она.

Аквариум за стеклом пришёл в движение. Тысячи светящихся точек, как планктон в ночном море, устремились к двум новостройкам, которые выростали из дна с невероятной скоростью. Это были человеческие фигуры. Одна побольше, другая поменьше. Женщина и ребёнок. Они строились так же, как раньше строился дом — слой за слоем, частица за частицей. И чем больше они обретали форму, тем сильнее сжималось сердце Вадима.

Он узнавал их. Не просто как обобщённые женские и детские силуэты, а как конкретных, живых, неповторимых людей. Вот изгиб плеч его жены, чуть покатый, который он так

любил. Вот косичка Анечки, заплетённая с бантиком — тем самым, что она носила в день аварии. Они воссоздавали их по его памяти, и делали это с пугающей точностью.

— Марина, — прошептал Вадим, не в силах оторвать взгляд от женской фигуры. — Анечка.

Фигуры в аквариуме пошевелились. Они подняли головы, и Вадим увидел их лица. Это были они. Абсолютно, до мельчайших черт. И они улыбались. Улыбались так, как улыбались только живые люди. В этих улыбках была любовь, была радость, была нежность. И была бездна.

— Папа, иди к нам, — произнесла фигурка Анечки. Голос её прозвучал не из динамиков, а прямо в голове Вадима, в том самом месте, где рождаются сны. — Тут хорошо. Тут тепло. Мы тебя ждали.

— Вадим, — фигура Марины протянула к нему полупрозрачные руки, — мы скучали. Почему ты так долго не приходил?

Он знал, что это не они. Знал рассудком, каждой клеткой своего научного сознания. Но сердце, глупое, израненное сердце, рвалось к ним. Пять лет одиночества. Пять лет чувства вины за то, что не смог их уберечь. Пять лет снов, в которых он тонул вместе с ними и не мог их спасти. И вот они здесь. Живые. Настоящие. Ждущие его.

— Это обман, — сказал он вслух, скорее убеждая себя, чем их.

— Это любовь, — ответили они хором. — Мы сохранили

их любовь. Она стала частью нас. Присоединяйся к нам, и мы будем вместе навсегда.

Вадим закрыл глаза. Перед внутренним взором пронеслись картины прошлого: песчаный пляж, крики чаек, смех Анечки, собирающей ракушки в ведёрко. Марина, читающая книгу в тени сосны. Солнце, такое редкое для севера, но такое яркое в тот день. Их последний день перед аварией. Он помнил его до мельчайших деталей. И он знал: то, что предлагали твари, не было бы этим. Это была бы карикатура. Чуело, набитое его воспоминаниями. Вечная пытка созерцанием того, что потеряно безвозвратно.

— Простите меня, — прошептал он. — Я не смог вас спасти тогда. Но я смогу спасти других сейчас.

Он открыл глаза и резко, одним движением, выдернул из панели управления главный предохранитель. В то же мгновение всё оборудование ангара — насосы, свет, компьютеры — переключилось на аварийный режим. Но он сделал не это. Он запустил программу, которую разработал на случай утечки биоматериалов. Программу «Стерилизация».

Глубинный, утробный вой пронёсся по ангару. Это включились микроволновые излучатели, вмонтированные в стены аквариума. Их целью было уничтожение любой органики в случае заражения. Двадцать секунд — и вода в резервуаре нагреется до ста градусов. Ещё десять — и она закипит. Всё живое внутри погибнет.

— Нет! — взревела фигура, и в этом вое слились сотни

голосов. — Ты уничтожаешь нас! Ты уничтожаешь их!

Вадим увидел, как фигуры в аквариуме — Марина и Анечка — начали разрушаться. Их лица исказились, поплыли, превращаясь в бесформенные комки слизи. Но прежде чем исчезнуть окончательно, они посмотрели на него. И в их взглядах была не ненависть. Была печаль. Бесконечная, все-ленская печаль воды, которая помнит всё.

— Мы будем ждать, — прошелестел голос в его голове.
— Вода всегда ждёт.

А потом микроволны сделали своё дело. Аквариум закипел. Стекло, не выдержав перепада температур, пошло трещинами. Пар, горячий и плотный, вырвался наружу, заполняя ангар. Вадим упал на пол, закрывая голову руками. Вокруг него рушился мир, который он сам создал и сам уничтожил.

Когда всё закончилось, он лежал в луже воды, смешанной с пеплом. Аквариум был пуст. От города, от построек, от фигур — не осталось ничего, кроме мутной взвеси, оседающей на дно. Фигура, говорившая с ним, тоже исчезла — развеялась, словно туман под утренним солнцем. Только запах остался: запах озона и горелого белка.

Вадим медленно, преодолевая боль во всём теле, поднялся. Каждый мускул ныл, словно его пропустили через мясорубку. Он взглянул на свою руку. Под кожей больше ничего не двигалось. То ли микроволны убили личинок внутри него, то ли они просто затаились. В любом случае, он был

ещё жив.

Он подошёл к разрушенному аквариуму и заглянул внутрь. На дне, среди спекшихся остатков, что-то блестело. Он протянул руку и достал маленький предмет. Ракушка. Самая обыкновенная ракушка с Кольского залива, какие собирала Анечка. Как она попала сюда, на четырёхкилометровую глубину? Этого не могло быть. Но она была здесь.

Вадим сжал ракушку в кулаке и, шатаясь, побрёл к выходу из ангара. Ему нужно было выбраться на воздух, увидеть небо, убедиться, что мир ещё существует. Он открыл тяжёлую металлическую дверь и вышел наружу.

Ночь встретила его ледяным ветром и колючим снегом. Где-то вдалеке, на горизонте, мерцали огни Мурманска. Но вместо того чтобы идти к ним, Вадим остановился как вкопанный. Перед ангаром, на утоптанном снегу, стояли они. Десятки, сотни крошечных фигурок, слепленных из снега и льда. Они повторяли очертания человеческих тел. Мужчины, женщины, дети. Они стояли рядами, словно армия, и смотрели на него пустыми глазницами. А в центре этой ледяной толпы возвышалась скульптура, поразившая его до глубины души: точная копия его жилого модуля, только размером с собачью конуру. И из её двери выглядывали три фигурки. Мужчина, женщина и маленькая девочка с косичкой.

— Этого не может быть, — прошептал Вадим. — Я уничтожил их. Я всё уничтожил.

Ветер донёс до него звук, похожий на шёпот. Сначала ти-

хий, едва различимый, а потом всё громче и отчётливей. Это пели снежные фигуры. У них не было голосовых связок, но колебания воздуха, проходя сквозь ледяные полости, рождали звук, похожий на слова.

— Вода помнит, — пели они. — Лёд — это вода. Снег — это вода. Мы везде. Мы построим мир заново. По твоему чертежу.

Вадим упал на колени в снег. Он понял весь ужас ситуации. Микроволны не убили их. Они лишь выгнали их наружу. Через пар, через испарения, через мельчайшие частицы аэрозоля они вырвались в атмосферу. И теперь каждая снежинка, каждый кристаллик льда, каждая лужа могли нести в себе их споры, их память, их волю.

— Мы строили внутри, — продолжали петь снежные фигуры. — Теперь мы строим снаружи. Твой дом — первый. Дальше будет город. Потом — мир.

Вадим поднялся и, не чувствуя холода, побрёл прочь от ангара. Он шёл через ледяную армию, и фигуры расступались перед ним, давая дорогу. Они не пытались его остановить. Они знали: он никуда не уйдёт. Он часть их. Он их архитектор, их пророк, их жертва.

Он шёл по замёрзшей тундре, сам не зная куда. В руке он сжимал ракушку — единственное, что осталось от прошлой жизни. Где-то позади остался разрушенный ангар. Где-то впереди мерцали огни города. А вокруг, насколько хватало глаз, простиралось белое безмолвие, которое больше не

было безмолвным. Оно говорило. Оно пело. Оно строило.

Вадим остановился на вершине холма и обернулся. Анггар был виден как на ладони. И он увидел то, отчего кровь застыла в жилах. Вокруг анггара, на снегу, начал формироваться узор. Огромный, видимый только с высоты, он представлял собой схему. Чертёж. И Вадим узнал его. Это был план Мурманска, дополненный новыми, не существующими в реальности улицами. Улицами, которые вели к центру. А в центре был изображён он сам. Его лицо, составленное из теней, отбрасываемых ледяными фигурами.

Они не просто строили город. Они строили храм. Храм в его честь. И когда строительство завершится, он займёт в нём своё место. Не как человек. Как божество. Божество бездны, которая пришла на сушу.

Вадим разжал кулак и посмотрел на ракушку. Она была холодной, как сама смерть. Но внутри неё что-то светилось. Мягким, голубым, живым светом. Он поднёс её к уху, и услышал голос. Голос Анечки.

— Папа, не бойся. Мы тебя любим. Мы всех будем любить. Когда вода покроет мир, все станут одним. Все будут вместе. Как мы хотели.

Он опустил руку и пошёл дальше. К городу. К людям. Он должен был предупредить их. Должен был рассказать о том, что натворил. Но в глубине души он знал: они не поверят. Они сочтут его сумасшедшим. А вода тем временем будет продолжать свою работу. Медленно, незаметно, неотврати-

мо.

Вода помнит всё. И вода умеет ждать. Она ждала миллиарды лет, чтобы обрести форму. Теперь у неё есть форма. У неё есть план. И у неё есть архитектор, который сам не ведает, что творит.

Когда первые лучи солнца окрасили горизонт в бледно-розовый цвет, Вадим вошёл в спящий Мурманск. Улицы были пусты, только редкие прохожие спешили по своим делам, не обращая внимания на замёрзшего, измученного человека с безумным взглядом. Он шёл к морю, потому что только там, у воды, чувствовал себя дома. Он знал, что рано или поздно они снова придут за ним. И он знал, что в этот раз у него не хватит сил сопротивляться.

Потому что в глубине души он хотел того, что они обещали. Он хотел увидеть Марину. Он хотел обнять Анечку. Он хотел, чтобы боль, терзавшая его пять лет, наконец прекратилась. И если для этого нужно было отдать себя, свой разум, свою душу — он был готов.

На набережной Кольского залива он остановился. Вода плескалась о гранитные ступени, покрытые инеем. Он посмотрел вниз, в чёрную, маслянистую глубину, и увидел там свет. Тысячи крошечных огоньков, поднимающихся со дна. Они приветствовали его. Они ждали его. Они были его семьёй, его творением, его проклятием.

— Я пришёл, — сказал он воде. — Начинайте строительство.

И вода ответила ему всплеском волн, похожим на аплодисменты. Спектакль продолжался. Строительство шло полным ходом. И никто в целом мире, кроме одного обезумевшего биолога, не знал, что конец человеческой эпохи уже начался. Не с ядерного взрыва, не с падения астероида, а с маленькой ракушки, поднятой со дна моря.

Вадим сел на ступени и закрыл глаза. Он больше не чувствовал холода. Он больше не чувствовал боли. Только покой. Только тишину. Только воду, которая обнимала его со всех сторон, как обнимала когда-то в детстве мать.

Глава 3. "Город Спящих".

Вадим очнулся от холода, который пробрался в самое сердце. Он лежал на гранитных ступенях набережной, и первые лучи тусклого ноябрьского солнца скользили по его лицу, не принося тепла. Рядом плескалась вода Кольского залива — чёрная, тяжёлая, равнодушная. На мгновение ему показалось, что всё случившееся было сном. Ангар, аквариум, черви, ледяные фигуры в тундре — кошмар, порождённый переутомлением. Но стоило ему пошевелить затёкшими пальцами, как он почувствовал в правой руке маленький твёрдый предмет. Ракушка. Та самая, что он поднял со дна разрушенного резервуара. Она была тёплой, почти горячей, несмотря на мороз.

Вадим сел, с трудом разгибая спину. Тело ломило, словно его долго били. Одежда промёрзла насквозь, волосы слиплись в сосульки. Он огляделся: набережная была пустынна, только вдалеке маячила фигура дворника, лениво скребущего лёд. Обычный мир, обычный город. Неужели никто не заметил ледяных скульптур, которые должны были окружать ангар? Или это тоже было видением?

Он поднялся и, шатаясь, побрёл в сторону центра. Мысли путались. Ему нужно было понять, что делать дальше. Рассказать властям? Но кто поверит безумному биологу, который погубил дорогостоящий проект? Его примут за пьяного

или наркомана. Попытаться всё исправить в одиночку? Но как бороться с существом, которое распространяется через воду, снег и, кажется, через саму память?

Проходя мимо витрины закрытого магазина, он увидел своё отражение. И замер. Из зеркального стекла на него смотрел человек, которого он не узнавал. Не просто измождённый, грязный, небритый — на него смотрел кто-то с чужими глазами. В глубине зрачков, если приглядеться, мерцало зеленоватое свечение. Такое же, как у глубоководных тварей. Вадим отёрнулся, но потом заставил себя приблизиться. Он широко раскрыл глаза, вглядываясь в собственную радужку. По краю зрачка, едва заметно, пульсировали микроскопические точки. Они двигались, жили своей жизнью. Он заражён. Не только изнутри, но теперь это видно снаружи.

— Нет, нет, нет, — забормотал он, отступая от витрины. — Это ещё можно вылечить. Антибиотики, сильнодействующие препараты. Надо в больницу.

Но идти в больницу значило раскрыть себя, стать подопытным. А если врачи увидят это свечение, они не станут лечить — они начнут изучать. И тогда произойдёт то же, что в ангаре: инфекция распространится. Он — переносчик. Живой инкубатор. Каждый его вдох, каждое прикосновение потенциально опасно.

Вадим заставил себя успокоиться. Он — учёный. Он должен мыслить рационально. Первый шаг — изоляция. Найти

место, где он никого не заразит. Второй — анализ. Понять, что именно живёт в нём и как это уничтожить, не убив себя. Третий — остановить распространение в городе. Если снежные фигуры вокруг ангара были реальны, значит, вода уже начала перестраивать среду.

Он свернул в переулок, стараясь держаться подальше от прохожих. Мурманск жил своей жизнью: спешили на работу люди, гудели машины, из труб валил пар. Обыденность происходящего казалась Вадиму издёвкой. Они не знают. Они не видят. А он, единственный посвящённый, не может их предупредить.

У него в кармане завибрировал телефон — старый кнопочный аппарат, который чудом уцелел. Он вытащил его и увидел сообщение от неизвестного номера. «Приходи в порт. Док №4. Мы знаем, что случилось. Мы поможем». Подписи не было.

Кто мог знать? Неужели Олег Кречетов? Или кто-то из лаборатории, кто следил за ним? А может, это ловушка тех, кто уже подчинён воде? Вадим колебался. Но других зацепок не было. Порт — это рядом, и там можно найти укрытие. Он решил идти.

По дороге он внимательно смотрел по сторонам, пытаясь заметить признаки «строительства». Сначала всё казалось нормальным. Но потом, проходя мимо стройки нового жилого комплекса, он увидел нечто странное. На бетонной плите, которую рабочие оставили на ночь, проступили узоры.

Они напоминали схему улиц, но не обычных, а искажённых, словно отражённых в кривом зеркале. Вадим узнал очертания проспекта Ленина, но вместо прямых линий — извивы, спирали, закручивающиеся в воронки. И в центре — фигура, похожая на человека с распростёртыми руками. Это не было граффити. Узоры были вытравлены в бетоне, словно кислота проела камень.

Он поспешил дальше. У ларька с прессой двое мужчин обсуждали странный привкус воды из-под крана. «Солёная стала, как морская», — говорил один. «И пахнет рыбой», — вторил другой. Вадим ускорил шаг. Вода уже меняется. Они используют городской водопровод.

Док №4 оказался заброшенным складом на окраине порта. Массивные ржавые ворота были приоткрыты. Внутри горел тусклый свет. Вадим вошёл, ожидая засады, но увидел лишь одного человека. Это была женщина лет сорока, в мешковатой одежде, с коротко стриженными седыми волосами. Она сидела за старым столом, заваленным картами и пробирками.

— Северов, — произнесла она, не поздоровавшись. — Вы всё-таки пришли.

— Кто вы? Откуда знаете меня?

— Моё имя вам ничего не скажет. Называйте меня Вера. Я бывший океанограф, уволена за «необоснованные теории». Пять лет я изучала аномальные явления в глубинных водах. Ваш эксперимент в ангаре не был первым. Такие слу-

чай фиксировались и раньше, но их засекречивали. Вы просто дошли до логического завершения.

Вадим присел на край стула, чувствуя слабость.

— Вы знаете, что это такое? — спросил он.

— Предположительно — архаичная форма жизни, существующая в жидкой среде на границе между материей и информацией. Назвать это просто червями нельзя. Это, скорее, коллективный разум, способный структурировать реальность по заданному образцу. Образец — ваше сознание. Вы им подошли из-за травмы, глубокой эмоциональной раны, связанной с потерей близких. Она стала «дверью».

Вадим вспомнил слова фигуры: «Мы нашли их в тебе».

— Они используют мои воспоминания, чтобы манипулировать мной, — сказал он.

— Не только манипулировать. Они строят мир, основанный на ваших архетипах. Ваш дом, ваша семья, ваш город — это всё элементы их архитектуры. Но они не копируют слепо. Они интерпретируют, искажают, приспособливают под свою логику. Вы видели бетонные узоры? Это начало.

— Как их остановить? Я пытался уничтожить аквариум микроволнами, но они выбрались через пар.

Вера вздохнула, подвинула к нему кружку с горячим чаем.

— Микроволны убили только биомассу в резервуаре. Но споры уже были в воздухе, в трубах, в вас. Теперь они адаптировались к низким температурам. Они распространяются через водяной пар, туман, снег. Остановить это на данном

этапе практически невозможно. Но можно попытаться пере-
направить. Вы — ключ. Они признают вас как «архитекто-
ра». Вы можете влиять на их поведение.

— Как? Я не управляю ими. Это они управляют мной.

— Пока вы сопротивляетесь, они будут действовать агрес-
сивно. Но если вы примете свою роль и зададите им новую
программу, возможно, удастся минимизировать ущерб. Или
даже обратить процесс вспять.

Вадим горько усмехнулся:

— То есть вы предлагаете мне стать их богом? Пророком?
Вождём улья?

— Я предлагаю использовать единственный доступный
нам инструмент. Вы связаны с ними на нейробиологическом
уровне. У вас в крови циркулируют их наноструктуры. По-
пробуйте мысленно приказать им остановиться. Сконцен-
трируйтесь.

Вадим закрыл глаза. Он попытался представить сигнал,
приказ, который разойдётся по водной сети. «Прекратите
строительство. Вернитесь в глубину». Он напрягал всю во-
лю, как когда-то учился управлять биотоками в лаборатории.
В висках застучало, в ушах зашумело, и вдруг он почувство-
вал ответ. Не словами, а ощущением — словно гигантская
волна отхлынула и замерла в ожидании. Он открыл глаза.

— Получилось? — спросила Вера, заметив, как погасло
свечение в его зрачках.

— Не знаю. Кажется, они... прислушались.

В этот момент за стенами склада раздался грохот. Потом ещё и ещё — словно падали строительные балки. Они выбежали наружу и увидели, что с крыши соседнего здания сползает огромная масса снега, увлекая за собой ледяные скульптуры, которые незаметно выросли за ночь. Скульптуры рушились, рассыпались сверкающей крошкой. Люди на улице испуганно кричали, но никто не понимал, что происходит.

— Они послушались, — прошептала Вера. — Но это временно. Ваш приказ противоречит их основной директиве. Они снова начнут строить, как только накопят энергию.

— И что тогда?

— Тогда мы должны найти способ лишить их источника энергии. Они питаются электромагнитными полями, теплом, но главное — эмоциями. Особенно сильными, такими как страх, тоска, вина. Вы — их аккумулятор. Пока вы живы и помните жену и дочь, они будут черпать из вас силу.

Вадим побледнел. Значит, его любовь и боль — это топливо для них. Чтобы лишить их энергии, он должен перестать чувствовать? Или умереть?

— Выходит, моя смерть решит проблему? — спросил он прямо.

Вера не ответила, но её молчание было красноречивее слов.

Они вернулись на склад. Вера развернула карту Мурманска, на которой были отмечены красными крестиками места аномалий. Крестиков было уже двадцать три, и их число рос-

ло.

— Это только начало. Они строят сеть, похожую на нервную систему. Узлы находятся в точках скопления воды: водонапорные башни, очистные сооружения, порт. Центральный узел — здесь. — Она ткнула пальцем в район городского пляжа, недалеко от того места, где Вадим сидел на ступенях.

— Там глубина, — прошептал Вадим. — Залив.

— Да. Они хотят создать постоянный канал между глубокой и поверхностью. Если им удастся, они наводнят город не только ментально, но и физически. Морская вода поднимется по трубам, по грунтовым водам, по канализации. Они превратят Мурманск в свой новый резервуар.

Вадим вспомнил слова фигуры: «Когда вода покроет мир, все станут одним».

— Я должен пойти туда и разрушить узел, — сказал он.

— Это убьёт вас. Вы — часть сети. Разрушение центрального узла вызовет откат энергии, который сожжёт вашу нервную систему.

— Другого выхода нет. Вы сами сказали, что пока я жив, они сильны.

Вера посмотрела на него долгим взглядом.

— Есть ещё вариант. Вы можете перенаправить их строительство в другое русло. Не разрушать, а перепрограммировать. Создать новую цель, которая не угрожает человечеству. Например, заставить их строить что-то бесполезное, изолированное.

— Как? Я уже попробовал — они подчинились на минуту. Этого мало. Им нужен чёткий, эмоционально заряженный образ. То, что сильнее моего горя.

Вера задумалась. Потом сказала:

— Тогда нужен другой «архитектор». Человек с ещё более сильной травмой, которую они смогут использовать вместо вашей. Если мы найдём такого и заставим его вступить в контакт, возможно, они переключатся.

Вадим покачал головой:

— Это значит подставить другого. Я не могу.

— А что вы можете? Смотреть, как город погружается в безумие?

В этот момент у обоих зазвонили телефоны. Пришло экстренное оповещение МЧС: в городе перебои с водоснабжением, просьба не употреблять воду из-под крана до выяснения причин. А также сообщалось о странных ледяных образованиях на улицах, которые могут быть опасны. Власти начали реагировать. Но было поздно.

Вадим поднялся:

— Я пойду к заливу. Попробую ещё раз. Если не смогу остановить — уничтожу узел вместе с собой.

— Я с вами.

— Нет. Если я погибну, кто-то должен знать правду. Вы должны рассказать всё, что видели. Пусть учёные ищут решение. Только не позволяйте им приближаться к воде.

Вера сжала его руку. Её ладонь была ледяной, как у по-

койника.

— Будьте осторожны. Они будут защищать узел. Вы для них — ценный ресурс, но если вы начнёте разрушать их планы, они уничтожат вас без колебаний.

Вадим вышел из склада и направился к морю. На улицах царила паника. Люди в панике покидали дома, хотя власти призывали сохранять спокойствие. Кто-то кричал, что вода в кранах стала чёрной, кто-то видел, как из унитаза полезли щупальца. Массовая истерия, подогреваемая реальными аномалиями, охватывала город.

Он шёл сквозь толпу, и люди расступались перед ним, сами не зная почему. Возможно, они чувствовали исходящую от него угрозу. Или же он стал настолько частью бездны, что обычные люди инстинктивно сторонились его.

У набережной его ждали. Там, где раньше были только гранитные ступени, теперь возвышалась конструкция из льда, напоминающая арку. Она была метров пяти в высоту, и внутри неё клубился туман, который не рассеивался, несмотря на ветер. Вокруг арки стояли люди — человек двадцать, самых разных возрастов. Они стояли неподвижно, как статуи, и смотрели в центр арки. Их глаза светились тем же зеленоватым светом. Вадим понял: это первые обращённые. Те, кто выпил воду или вдохнул споры. Они больше не принадлежали себе.

— Мы ждали тебя, Архитектор, — произнесли они хором. Голос был безжизненным, металлическим.

— Отпустите их, — сказал Вадим.

— Они сами пришли. Вода зовёт. Вода помнит их боль.

Мы даём им утешение.

Вадим подошёл ближе. Он чувствовал, как с каждым шагом усиливается давление в голове, словно он погружался на глубину. Арка манила, обещая покой и встречу с любимыми. Где-то внутри клубящегося тумана ему мерещились силуэты Марины и Анечки.

— Ты хочешь увидеть их? Войди. Стань частью нас добровольно, и мы остановим рост. Мы будем строить только здесь, только для тебя. Город останется людям.

— Ложь, — проговорил Вадим, но голос его дрогнул.

— Мы не лжём. Мы — вода. Вода не лжёт, она только отражает. Войди.

Он сделал шаг. Ещё один. Внутри арки туман начал закручиваться в спираль, и из неё действительно выступили две фигуры. Марина и Анечка — на этот раз не из слизи, а словно живые. Они улыбались, протягивали руки. Анечка смеялась, как прежде, заливисто, счастливо.

— Папа, ну где ты ходишь? Мы тебя заждались! — Её голос разбивал сердце.

— Вадим, милый, иди к нам. Ты так устал. Мы будем вместе навсегда, — вторила Марина.

Вадим замер на пороге. Он знал, что если сделает последний шаг, то перестанет существовать как личность. Но искушение было почти непреодолимым. Пять лет одиночества,

вины, кошмаров — неужели он не заслужил покоя?

И тут он вспомнил слова Веры: «Они питаются эмоциями. Страх, тоска, вина». Его любовь к семье была искренней, но сейчас она превратилась в топливо. Если он войдёт, он не обретёт их — он станет батареей, которая будет вечно генерировать боль, а его близкие станут лишь приманкой, пустыми оболочками.

— Нет, — сказал он твёрдо. — Вы не они. Вы — эхо.

Он отступил от арки. Фигуры померкли, их лица исказились гневом. Туман внутри арки потемнел, превратился в чёрную воду, которая начала выплёскиваться наружу.

— Тогда ты умрёшь, — прогремел голос. — Мы найдём другого архитектора. Твоя жертва бессмысленна.

Вода хлынула из арки мощным потоком, сбивая Вадима с ног. Захлебнувшись ледяной солёной волной, он покатился по ступеням. Перед глазами всё померкло.

Очнулся он в машине скорой помощи. Над ним хлопотала женщина-врач с усталым лицом.

— Вы в порядке? Мы нашли вас у набережной. У вас обморожение, но жить будете.

Вадим попытался приподняться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.